

Державин и эзоповская традиция в XVIII веке

Michela Venditti

Abstract: *Derzhavin and the Aesopian Tradition in the Eighteenth Century.* The literary tradition of the fable genre emerged and developed in the 18th century, starting from A. Kantemir, through the formal experiments of Trediakovskij and Lomonosov, Sumarokov's "sklonenie na russkie nrawy", and the subsequent original elaboration by undisputed Russian representative I. Krylov. The article examines G. R. Derzhavin's fable production in the context of the genre's reception in 18th-century Russia. Derzhavin's fables were published posthumously and have been little studied to this day. Overall, the poet composed 24 fables, 4 of which are based on the elaboration of Aesopian subjects. The latter are specific subjects of analysis through their comparison with previous literary versions. The work demonstrates how Derzhavin's Aesopian fables versions are original and interesting as echoes of his creative evolution.

Keywords: Derzhavin, fables, Aesop, Sumarokov, Krylov, La Fontaine

Восприятие эзоповской басни в XVIII веке является одним из важных явлений образования новой русской литературы. Перевод басенного творчества начался еще в XVII веке, а с петровского времени (в связи с известным увлечением Петра баснописцем) и вообще в XVIII веке популярность греческого автора только укрепилась (Брагоне 2012; Брагоне 2024). Все переводы были прозаическими, а в литературной области первым автором, который сочиняет переложения басен в стихах, был А. Д. Кантемир. Сборник его подражаний Эзопу выходит посмертно в 1762 году, но их уже устаревший силлабический стих и значительная амплификация эзоповского содержания, с умножением подробностей, не способствуют их распространению.

К середине XVIII века стихотворная басня очень популярна; в рамках эстетики классицизма, как пишет Сумароков в *Эпистоле о стихотворстве*, она является низким жанром:

Склад басен должен быть шутив, но благороден,
И низкий в оном дух к простым словам пригоден,
Как то де Лафонтен разумно показал,
И басенным стихом преславлен в свете стал.
Наполнил с головы до ног все притчи шуткой
И, сказки пев, играл всё тою же погудкой.
Быть кажется, что стих по воле он вертел,
И мнится, что, писав, ни разу не вспотел; (Сумароков 1787, I, 344)

Michela Venditti, University of Naples L'Orientale, Italy, 0000-0003-4072-4604

Referee List (DOI 10.36253/fup_referee_list)

FUP Best Practice in Scholarly Publishing (DOI 10.36253/fup_best_practice)

Michela Venditti, *Derzhavin and the Aesopian Tradition in the Eighteenth Century*, © Author(s), CC BY 4.0, DOI 10.36253/979-12-215-0585-6.31, in Svetlana Mengel, Laura Rossi (edited by), *Language and Education in Petrine Russia. Essays in Honour of Maria Cristina Bragone*, pp. 415-425, 2024, published by Firenze University Press, ISBN 979-12-215-0585-6, DOI 10.36253/979-12-215-0585-6

Вклад Сумарокова в басенную традицию велик: он сочинил более 370 басен, имевших большой успех и широко распространявшихся (Клейн 2010, 174).

От Кантемира до Крылова, признанного представителя русской басенной традиции, выделяются три основных этапа в эволюции жанра: басня как упражнение (Тредиаковский, Ломоносов), склонение на русские нравы (Сумароков) и авторская обработка эзоповских мотивов (Майков, Хемницер, Дмитриев, Капнист и другие).

Функция басни как объекта упражнения, и с метрической точки зрения, и в качестве употребления литературных приемов, видна в творчестве двух основателей классицизма, у Тредиаковского в самом названии сборника: *Несколько Эзоповых басенок, для опыта гексаметрами ямбическими и хореическими составленных* (Тредиаковский 2009, 113). Ломоносов выдвигает изящность стиля в басне, используя данный жанр как запас для риторических примеров: «К аллегории принадлежат загадки, метафорические пословицы и притчи или басни, чему примеров довольно видеть можно в Эзоповых притчах» (Ломоносов 1952, 53–4).

Сумароков и его приверженцы представляют собой этап склонения на русские нравы в рецепции эзоповской басни, как пишет сам поэт в басне со значимым названием *Вор*: «На Русску стать я Федре преврачу, / И Русским образом я басню сплесть хочу» (Сумароков 1787, VII, 33). Основоположник новой русской басни Сумароков не только переносит эзоповские сюжеты и мотивы на русскую почву (опираясь скорее на Лафонтена и на Геллерта, чем на античных авторов), но экспериментирует с различными приемами, вплоть до абсурда (Клейн 2010, 175–76). В середине 1750-х годов он вводит комически-гротескное направление басни с ее сатирической остротой, используя разностопный ямбический стих и простой язык. Сборник его ученика В. Майкова *Нравоучительные басни* (1767 год) является примером авторской обработки эзоповских мотивов на основе сумароковской концепции: комического начала, обнажения приема, умножения подробностей.

Первоначальная дидактическая функция жанра способствует распространению басни в русском классицизме, становясь одновременно основой для образования эзопова языка. Аллегорическое изображение конкретной жизни человека, политические намеки и сатирические остроты имеют двойную цель: с одной стороны, выявлять отрицательные моральные аспекты двора и современного общества, с другой стороны, сделать это, избегая цензуры. По меткому определению М. А. Гаспарова, басня — это «вымышленный рассказ, являющий образ истины» (Гаспаров 1968, 254). Почти те же самые слова находим в неопубликованном стихотворении Державина под заглавием *К силуэту И. И. Хемницера*: «Эзоп лампадой освещал, / А басня кистию тень с истины снимала» (Державин 1866, 492). Возможность маскировать критику реальной действительности посредством аллегорического и простого языка басни признается достоинством Эзопа:

Эсоп с робятами играет;
 Смеются все тому — он это презирает.
 «Всему, — сказал он им, — на свете сем предел»,
 Потребно всякому безделье между дел.
 Кто этого не разбирает,
 Недолго будет мысль и важна и жива:
 Кто слишком тянет лук, порвется тетива. (Сумароков 1787, VII, 249)

Басни и притчи Г. Державина не были опубликованы и не получили большой известности. Поэт собирався издавать их отдельно, но это намерение не осуществилось. Грот относит сочинение басней Державиным к двум рукописным тетрадам, одна из которых принадлежит ранним годам деятельности (1770–80), а вторая — к периоду с 1790 по 1810-е годы (Державин 1866, 537–38; см.: Венгеров 1897, 688). Державин сочинил всего 24 басни (Державин, 1866, 539–72). При жизни были опубликованы только две из них: *Лев и волк* (1783), и *Крестьянин и дуб* (1802). Количество басен и продолжительность периода их сочинения свидетельствуют о том, что данный жанр не был второстепенным в эстетической концепции Державина. Его басни очень оригинальны и представляют значительный интерес: «Басни не побочный продукт творчества нашего поэта, а его полноценная составляющая, требующая к себе более детального и всестороннего внимания исследователей» (Морозова 2007, 168).

Ниже будут рассмотрены подробнее басни Державина, являющиеся обработками эзоповских сюжетов: *Смерть и старик*; *Медведь, лисица и волк*; *Собака и старуха*; *Агнёнок и волк*. Первые три относятся к 1770–1780 годам, а последняя к 1808–09 годам.

Остальные двадцать державинских басен представляют собой сочинения, использующие эзоповский язык. Они содержат многочисленные намеки на современную действительность, на реальных лиц двора или общества, на литературную среду и имеют нравственно-политический характер. Немецкая исследовательница Х. Имендёрфер, автор монументального труда о русской басне XVIII века, утверждает, что именно злободневный характер басенного творчества Державина удержал его от их публикации (Imendörffer 1998, 697).

Как пишет М. А. Гаспаров, сюжет эзоповской басни всегда один и тот же, но пересказывается по-разному у разных авторов; ее композиция схематична: экспозиция — замысел — действие — неожиданный результат; моральная сентенция может быть в начале или в конце (Гаспаров 1968, 261). Используются установленные формулы, делающие басню узнаваемой. Традиционный размер — это вольный ямб, чаще всего с парной рифмовкой. Авторские версии характеризуются особенностями сюжетной схемы. Эзоп и Лафонтен всегда включают моральную сентенцию в начале или в конце повествования; но их басни отличаются объемом: первый — лаконичен, второй вносит много подробностей.

Первая эзоповская басня Державина *Смерть и старик* (1776) состоит из 16 стихов, написанных разностопным ямбом с парной рифмовкой. До Державина эту басню в России обрабатывали В. Тредиаковский (*Старик и смерть*,

1752), А. Сумароков (*Крестьянин и Смерть*, 1760–1770), А. Дубровский (*Смерть и дровосек*, 1755).

Эзоповский оригинал таков:

Старик нарубил однажды дров и потащил их на себе; дорога была дальняя, устал он идти, сбросил ношу и стал молить о кончине. Явилась Смерть и спросила, зачем он ее звал. «Чтобы ты подняла мне эту ношу», — ответил старик. Басня показывает, что всякий человек любит жизнь, как бы он ни был несчастен (Гаспаров 1968, 81).

В предисловии к *Собранию сочинений* Тредиаковский заявляет, что использовал для своих басней латинский прозаический перевод гуманиста И. Камерария и что сочинял их «для опытка некудреватыми стихами» (Тредиаковский 2009, 15), что его намерением было приблизить текст к эзоповскому образцу, однако он исключил пролог и мораль (Тредиаковский 2009, 571–72). Басня в 18 стихов написана семистопным трохеем с мужской цезурой (4+3) и с парной рифмовкой (Тредиаковский 2009, 126). Первые девять строк описывают одинокого и усталого старика; он призывает Смерть (10–11); она немедленно приходит (12–13), Старик пугается (14–5) и просит ее о помощи (16–18).

Басня Сумарокова *Крестьянин и Смерть* (1787, VII, 294) следует образцу Лафонтена, но более длинная (24 строки); поэт использует установленный им разностопный ямб с чередующейся рифмой. Сумароков уделяет почти равное внимание на описание главных героев, Крестьянина (1–8) и Смерти (9–14), вставляя комическое отступление: «Как не оставит все когда ее зовут, / Другие от нее и окны все запрут». Продолжение следует традиционному сюжету, с типичным сумароковским подчеркиванием комического тона.

Следующая стихотворная версия принадлежит переводчику Академии Наук А. Дубровскому; он явно опирается на Лафонтена, от которого берет буквальное название *Смерть и Дровосек* (*La Mort et le Bûcheron*) (Поэты XVIII века 1972, I, 153). Басня опубликована впервые в *Ежемесячных сочинениях*, во II номере за 1755 год (Неустроев 1875, 52). Поэтическая структура басни своеобразна, 18 стихов, написанных шестистопным ямбом с парной рифмой. Близость к французскому баснописцу проявляется в строках, посвященных дровосеку (1–11), где упоминаются его дети и семья, мотив, отсутствующий в предыдущих вариантах. Обращение к Смерти (12–14) сопровождается быстрым завершением, подчеркивающим неожиданное заключение через прямой диалог.

Смерть и Старик Державина представляет собой оригинальную обработку сюжета, хотя близка сумароковской интерпретации:

Вязанку дров Старик тащил и надрывался,
Сугорбился, потел, дрожал и задыхался;
А как была тогда осенняя слота,
Несноснее ему была тем тягота.
Лишился сил, подсекались ноги:

Упал среди дороги.
 Стенал он, лежа, и вздыхал
 И в слабости своей сказал:
 О Смерть, страдальцев облегченье!
 Приди и прекрати мученье.
 Тут Смерть ему в глаза,
 Как страшная гроза!
 Ты ль звал меня? его спросила
 И косу на него блестящу наклонила.
 — Нет, нет, не я, помилуй! он вскричал
 И пальцем ближнего соседа показал. (Державин 1866, 539–40)

Басня состоит из 16 стихов, написанных разностопным ямбом с парной рифмой. Первые десять строк посвящены Старикку; автор сосредотачивает свое внимание на действии (в восьми стихах использованы 15 глаголов). Смерть в отличие от предыдущих басен изображается в типичных для Державина барочных образах: она страшна (у Сумароков она даже «не грозно» говорит) и с блестящей косой. Поэт изображает конкретную картину без имплицитного повествователя, присутствующего у предыдущих авторов. Оригинальное завершение, где Старик указывает на соседа, взято из басни Гагедорна *Der arme Kranke und der Tod* (Державин 1866, 539). Державин принимает сумароковскую формальную структуру басни, в том числе и отсутствие моральной сентенции и некий шуточный тон. Имендёрфер считает, наоборот, что особенность обработки Державина заключается в отказе от комической, гротескной линии, и что как раз в первых баснях он полемизирует по этому поводу с Сумароковым и Майковым (Imendörffer 1998, 698).

Вторая эзоповская басня Державина — это *Медведь, лисица и волк*. Сюжет о первенстве сильнейшего, строго говоря, не Эзопа; он появляется впервые у Фёдра в басне, которая носит название *Корова, коза, овца и лев*:

О том, как ненадежна дружба с сильными,
 Свидетельством послужит эта басенка.
 Коза, корова и овца несчастная
 Однажды вместе со львом в лесу охотились.
 Они оленя изловили тучного;
 Лев, разделивши тушу, заявил им так:
 «Беру я первую часть за то, что львом зовусь;
 Вторую — за то, что был я вам союзником;
 За то, что я сильней, мне третья следует;
 И горе тому, к четвертой кто притронется».
 Так всю добычу забрало насилие. (Гаспаров 1962, 9)

До Державина сюжет обрабатывали Тредиаковский (2009, 120: *Лев, телюца, коза, овца*), Сумароков (1787, VII, 43–44: *Лев, корова, овца и коза*), Майков (1966, 146–47: *Медведь, волк и лисица*). У Майкова наблюдаем адаптацию к русским нравам, где русский медведь занимает место классического льва.

У Третьяковского в басне из 16 стихов сюжет передан точно, без начальной сентенции, которая превращается в ряд заключительных риторических вопросов: «Что бессильному скоту делать надлежало? / Как сопротивляться Льву? Иль его хоть мало / Раздражить в то время дерзостно кто б захотел?» (Третьяковский 2009, 120).

Сумароков предлагает длинную басню в 28 строк. Он тоже опускает мораль; в басне имеется обнажение приема: «Так мелю я не ветр, / А доказательство сей истинны мне Федр» (Сумароков 1787, VII, 43).

Источником для Державина является, по-видимому, версия Майкова, из которой он берет название басни, меняя последовательность называния животных. Длинная басня Майкова состоит из 80 строк; влияние Сумарокова явно проявляется в повторении одних и тех же строк: «а я скажу вам како. / Тако» (Сумароков 1787, VII, 44); «Но у зверей не так, / Да вот, скажу я, как» (Майков 1966, 146) и в метанарративе: «Но рассуждение теперь сие оставим, / Да, сказку к этому старинную представим» (Майков 1966, 146). Майков оставляет мораль в начале, но умножает в сюжете длинные отступления и подробности.

Имендёрфер полагает, что в этой басне Державин полемизирует с Майковым.

Медведь, Лиса и Волк согласно жили,
 Гуляли вместе, ели, пили,
 На промысел ходили заодно.
 Подцапали в одно
 Они теличку время.
 Медведь, добычу взяв в беремя,
 Послушайте, сказал: коль всем нам части брать,
 То мало этого всем голод нам унять;
 А старей кто из нас, пускай тот и владеет
 Обедом сим:
 Промыслим после мы другим;
 Но старшинство везде ведь первенство имеет. —
 Изрядно, говорит Лиса:
 Когда создались небеса
 И твердь звездами убралася,
 Тогда я родилася. —
 Стара, кума, и ты, Волк начал говорить:
 Но не успели звезд ко тверди пригвоздить,
 Как я на свет сей произошел!
 И есть было телицу шел.
 Ну, врешь, сказала Медведь, оскалившись зубами:
 Пусть молод, но сильней я всех теперь меж вами,
 Да мне же хочется и есть;
 Так мне принадлежит и старшинство и честь. (Державин 1866, 540–42)

Версия Державина в 24 стиха, с тем же каноническим размером, что у Майкова. Поэт следует также сюжету Майкова, в котором решение о том, как де-

лить добычу, основано на старшинстве в отличие от классической версии, где лев просто перечисляет свои привилегии и свое первенство, присваивая себе всю пищу. У Державина нет начальной сентенции, он подчеркивает элемент действия (шесть глаголов в пяти строках) и изображает конкретную и яркую картину. В заключении прямые слова нахального медведя выражают мораль басни: «сильней я всех [...] так мне принадлежит и старшинство и честь».

Сюжет третьей басни очень древний и восходит к индийскому сборнику Панчатантра, посвященному воспитанию правителей. Последующие обработки басни имеют разные названия, подчеркивающие тот или другой момент сюжета: *Собака с куском мяса* (Эзоп), *Собака и ее отражение* (Федр), *Le chien qui lâche sa proie pour l'ombre* (Лафонтен), *Пес и часть мяса* (Тредиаковский), *Собака с куском мяса* (Сумароков), *Собака и тень* (А. Ржевский). У Эзопа читаем:

Собака с куском мяса в зубах перебиралась через речку и увидела в воде свое отражение. Она решила, что это другая собака с куском побольше, бросила свое мясо и кинулась отбивать чужое. Так и осталась она без того и без другого: одного не нашла, потому что его и не было, другое потеряла, потому что его унесла вода.

Басня направлена против человека жадного. (Гаспаров 1968, 102)

Тредиаковский и Сумароков выбирают схожее название. Первый рассказывает всю историю в восьми стихах (Тредиаковский 2009, 119). Сумароков сочиняет произведение в двенадцать строк (1787, VII, 305–06); в отличие от Лафонтена, который ставит мораль в пролог, Сумароков помещает ее в двух последних завершающих строках: «Чево не получил, тово своим не числь, / То разное, что в руке, и чем владеет мысль». Плодовитый оригинальный экспериментатор А. Ржевский (в журнале *Полезное увеселение*, 1762. Т. V; см.: Неустроев 1875, 89) выбирает для заглавия образ тени и, следуя метрической схеме Сумарокова, составляет очень удачный текст в 21 стих с моралью в начале: «Чужого кто себе имения желает, / Свое нередко тот теряет. / Я это вам примером докажу, / В пример вам басню расскажу / Чужую, / Послушайте какую» (Поэты XVIII века 1972, I, 269).

Басня Державина *Собака и старуха* вводит в сюжет новый персонаж, своеобразно его развивая:

Украда мяса часть Собака у Старушки
Из клетушки
И ну бежать с добычей прочь
Во всю собачью мочь,
По опытам то знав, что стары бабы строги,
За сорванны куски ломают ноги
Ухватами, клюками у собак.
Итак
Подалей Лыска убиралась,
Чтобы в глаза Старухе не попалась;
А наконец, когда к источнику пришла,
На берегу его легла

И стала наполнять голодно брюхо мясом,
 Украденным запасом.
 Но глядь в поток —
 Увидела: другой кусок
 Такой же, как она — такая ж Лыска ела;
 Тотчас и тот подцапать захотела,
 Разверзла пасть, —
 Упала изо рта украденная часть.
 Ах! сколько в свете мы примеров тех видали,
 Что, быв несытыми накраденным добром,
 Еще в чужом
 Пустую тень хватали. (Державин 1866, 542–43)

Первоначально басня имела название *Жадность*. Текст в 24 стиха длиннее, чем у предшественников. В первой части поэт описывает оба персонажа с подробностями («во всю собачью мощь») и отступлениями («стары бабы строги, / за сорванны куски ломают ноги»), создавая динамическую сцену; во второй части обрабатывается традиционный сюжет басни с собакой и ее отражением в воде. Грот сообщает, что оригинальная державинская мораль присутствует только в позднейшем списке (Державин 1866, 542–43).

Широко известен сюжет четвертой эзоповской басни Державина *Волк и ягненок*, принадлежащей позднему периоду его творчества; среди прочих ее переложили Фенелон, Лафонтен (*Le loup et l'agneau*), Тредиаковский (2009, 118–19) и Сумароков (1787, 6–8):

Волк увидел ягненка, который пил воду из речки, и захотелось ему под благовидным предлогом ягненка сожрать. Встал он выше по течению и начал попрекать ягненка, что тот мутит ему воду и не дает пить. Ответил ягненок, что воды он едва губами касается, да и не может мутить ему воду, потому что стоит ниже по течению. Видя, что не удалось обвинение, сказал волк: «Но в прошлом году ты бранными словами поносил моего отца!» Ответил ягненок, что его тогда еще и на свете не было. Сказал на это волк: «Хоть ты и ловок оправдываться, а все-таки я тебя съем!»

Басня показывает: кто заранее решил на злое дело, того и самые честные оправдания не остановят. (Гаспаров 1968, 108–09)

В начале XIX века жанр басни достигает своего полного утверждения с публикацией в 1809 году первого сборника И. Крылова, сразу признанного главным русским баснописцем. Текст Державина (1866, 565) относится к 1808–1809 годам, как установил Грот; такое датирование связано с тем, что версия Крылова появилась в 1808 году в журнале *Драматический вестник*, где немного позже была опубликована статья А. Шишкова «Сравнение Сумарокова с Лафонтеном». Державин участвовал в том же журнале. Шишков анализирует пять басен в версиях двух авторов, чтобы заключить в скрытой полемике с Крыловым, что обработка Сумарокова оказывается лучшей как более конкретная и соответствующая классическому сюжету. Шишков выше

оценивает сатирическую жилку у Сумарокова, чем разработанную и изящную версию Лафонтена, подхваченную Крыловым (Шишков 1828).

Волк и ягненок Сумарокова состоит из 46 строк. Текст не содержит мораль и начинается с описания обстоятельств. Когда волк видит ягненка, тот «от ужаса обмирает»; описание его испуга и мыслей о скорой смерти (которое так понравилось Шишкову) занимают шесть строк. Сюжет продолжается упорными обвинениями ягненка волком вплоть до известного заключения.

Басня Державина *Ягненок и волк*, объемом в 43 стиха, несмотря на инверсию в названии, в котором жертва ставится на первое место, явно ссылается на Сумарокова:

Паслися на дугу пастушкою овечки.
 Пастух тут был, иль нет, не знаю; может, спал.
 Ягненок маленький,
 Пушистый, тученький
 И весь, весь беленький
 От стада, оплошав, нечаянно отстал
 И захотел воды испить из чистой речки,
 Текущей жемчужком,
 Зелененьким лужком
 Иль золотым песком ...
 До этого теперь мне дела нету,
 А я склоняю мысль на эту только мету,
 Что на сии ж места,
 К тому же ручейку, – к вершине только ближе, –
 Шасть гладный Волк из-за куста
 И, пламенный свой взгляд по речке кинув ниже,
 Увидел, что один Ягненок воду пьет,
 И пастуха с ним нет,
 К его великому несчастью!
 Волк ощетинился и жадной крови пастью
 Барашку он сказал:
 «Как ты дерзнул, плутишка,
 Молокосос, овечий сын, мальчишка,
 Одну со мною воду пить? –
 На то она
 Сотворена,
 Барашек отвечал,
 Чтоб всех поить!
 «Да ты стоишь меня, сам видишь, ближе к устью,
 И воду всю легко мне можешь помутить».
 Ягненок с трепетом отвечивал и грустью:
 Вода вверх ток свой не стремится! –
 Ты говоришь еще! – с усмешкою Волк злою,
 Зубами хлопая, взревел:

«Ты пил иль пить хотел,
 Мутил иль не мутил ты воду;
 Но я твою породу
 Издревле не терпел.
 А пуще ж мне твоей ты нелюб белизною,
 И для того умри» ... Волк на него напал
 И тотчас растерзал.
 К какому б баснь сию привесть нам лучше толку?
 К барашку применить — невинность, зависть — к Волку.
 (Державин 1866, 564–66)

Здесь Державин также вводит новый персонаж, пастуха, и описывает बहुколическую сцену (*Анакреонтические песни* вышли в 1804 году) с шутовой репликой полностью в духе Сумарокова: «Пастух тут был, иль нет, не знаю; может, спал». Ягненок живо описан четырьмя прилагательными (маленький, пушистый, тученький, беленький), обозначающими невинность и чистоту; поэт связывает эти качества с многоцветным пейзажем, с чистой речкой, «текущей жемчужком, / Зелененьким лужком / Иль золотым песком». Следуют две строки метанарратива: «До этого теперь мне дела нету, / А я склоняю мысль на эту только мету». Дейктические слова, с повторением частицы 'же', подчеркивают конкретность изображения. Амплификация, любимый прием Державина, характеризует обращение волка к ягненку: «плутишка, / молокосос, овечий сын, мальчишка» (ср. у Сумарокова: «Довольно ли тебе *плутишка* сей улики?»). Заключительные строки: «И для того умри». / Волк на него напал / И тотчас растерзал»; у Сумарокова: «А ты за то умри. Ягненка волк терзал».

Последние два стиха с объяснением басни Грот реконструирует по различным версиям (Державин 1866, 265), и неизвестно, какой была бы последняя редакция. Как сообщает Грот, в последний период творчества поэт «собрал накопившиеся у него постепенно басни в особую тетрадь [...]. Через несколько лет она была вновь пересмотрена и измарана поправками [...]. Но в разнообразных редакциях этого разряда произведений Державина здесь более нежели где-либо оказывается справедливое мнение, что он позднейшими исправлениями иногда портил свои сочинения» (Державин 1866, 538).

Учитывая неустойчивость текстов басни Державина, переработанных Гротом часто при отсутствии окончательной редакции автора, а также наличие неизученных вариантов, тем не менее можем сделать некоторые выводы. Державинские обработки эзоповских мотивов, в основном, отсылают к русской традиции (за исключением конца басни *Смерть и Старик*, взятого из Гагедорна), и конкретно — к Сумарокову. Державин принимает не только каноническую форму басни, установленную Сумароковым, но и такие его приемы, как отступления и обнажение приема. Несомненно, поэт проявляет свою оригинальность и в басне, где просвечивает тоже некий шутовый тон, аналогичный тому, который присутствует в его неопубликованных надписях (Вендитти 2021).

Басни Державина отражают этапы его творчества, от раннего барочного воображения до анакреонтического начала XIX века, и представляют собой в целом важный объект исследования.

Литература

- Брагоне, Мария Кристина. 2012. “К истории русского Эзопа на рубеже XVII и XVIII веков.” В *Litterarum fructus. Сборник статей в честь Сергея Ивановича Николаева*, ред. Надежда Ю. Алексеева, и Наталья Д. Кочеткова, 75–87. Санкт-Петербург: Альянс-Архео.
- Брагоне, Мария Кристина. 2024. “Эзоп в России XVIII века. Несколько наблюдений над переводом С.С. Волчкова (1747).” В *XVIII век*. Сб. 31, 63–85. Санкт-Петербург: Альянс-Архео.
- Венгеров, Семен А. 1897. *Русская поэзия: Собрание произведений русских поэтов*. Т. 1. Вып. 1–6. XVIII век. Санкт-Петербург: Типо-Литография А. Э. Винеке.
- Вендитти, Микела. 2021. “Жанр надписи в творчестве Г.Р. Державина (стихи на смерть собаки).” *Русская литература* (2): 31–39. DOI: 10.31860/0131-6095-2021-2-31-39.
- Гаспаров, Михаил Л. 1962. Федр, Бабрий. *Басни*. Москва: АН СССР.
- Гаспаров, Михаил Л. 1968. *Басни Эзопа*. Москва: Наука.
- Державин, Гавриил Р. 1866. *Сочинения, с объяснительными примечаниями Я. Грота*. Т. III. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии Наук.
- Клейн, Иоахим. 2010. *Русская литература в XVIII веке*. Москва: Индрик.
- Ломоносов, Михаил В. 1952. *Полное собрание сочинений. Труды по филологии*. Т. 7. Москва: АН СССР.
- Майков, Василий И. 1966. *Избранные произведения*. Ред. Александр В. Западов. Москва: Советский писатель.
- Морозова, Нина П. 2007. “Басни Г.Р. Державина.” В *Г. Р. Державин и русская литература*, 161–168. Москва: ИМЛИ РАН.
- Неустроев, Александр Н. 1875. *Историческое розыскание о русских повременных изданиях и сборниках за 1703–1802 гг.* Санкт-Петербург: Типографическое товарищество «Общественная польза».
- Поэты XVIII века*. 1972. Т. I–II. Ленинград: Советский писатель.
- Русская басня XVIII–XIX веков*. 1977. Ред. Николай А. Степанов и Владимир П. Степанов. Ленинград: Советский писатель.
- Сумароков, Александр П. 1787, I. *Полное собрание сочинений в стихах и прозе*. Изд. 2-ое. Москва: Унив. Тип. у Н. Новикова.
- Сумароков, Александр П. 1787, VII. *Полное собрание сочинений в стихах и прозе*. Изд. 2-ое. Москва: Унив. Тип. у Н. Новикова.
- Тредиаковский, Василий К. 2009. *Сочинения и переводы как стихами, так и прозою*. Сост. Надежда Ю. Алексеева. Санкт-Петербург: Наука.
- Шишков, Александр С. 1828. “Сравнение Сумарокова с Лафонтеном в тех притчах, которые они заимствовали у древних и пересказали оные каждый своим образом.” В Шишков А. С. *Собрание сочинений и переводов, в 17 частях*. Ч. 12: 122–47. Санкт-Петербург: Императорская Российская Академия.
- Imendörffer, Helene. 1998. *Die Geschichte der russischen Fabel im 18. Jahrhundert. Poetik, Rezeption und Funktion eines literarischen Genres*. Wiesbaden: Harrassowitz.